

Бертран Блие — о любви к актерам

— Что такое для вас актер? Как бы вы объяснили актерскую профессию человеку, не знающему, о чем речь?

— Я никогда не задавался таким вопросом. Наверное, актер — это человек, изображающий других людей в спектаклях или фильмах. И, следовательно, он сознательно ставит себя в конфузные ситуации, изображая ненастоящие чувства перед зрителями. Если вдуматься, это совершенно ненормальная ситуация на грани душевного заболевания! Безумие, бесстыдство за пределами понимания. Это неестественное ремесло. Природа человека такова, что в общественных местах он старается не привлекать к себе особого внимания и уж ни в коем случае не раздеваться на публике. А актеры — мужчины ли, женщины — наоборот, стараются обнажить морально и физически. Может быть, поэтому они и нужны нам. В них остается частичка детства, они почти поэты, они так же полезны, как цветы, солнечные лучи, музыка, воздух.

— Вы согласны с мнением, что актеры становятся люди, себя ненавидящие?

— Не знаю... Есть актеры, для которых лицедейство — совершенно естественная вещь. Они вообще не могли бы заниматься чем-то другим. Словно они родились под звуки аплодисментов. Есть робкие люди, которые борются со своей робостью и страдают в моменты душевного эксгибиционизма. Но что бы все они ни говорили, для того, чтобы выходить каждый вечер перед зрителями, нужно хоть немножко себя любить — даже играя злодеев. И конечно же, большинство из них испытывают глубочайшее удовольствие от лицедейства — так же, как музыкально одаренные люди получают удовольствие от музыки. Вы можете представить себе Моцарта, занимающегося чем-то помимо музыки? Вот и актеры — то же самое. Это очень сильное, мощное призвание. Например, мой отец с 14 лет знал, что станет актером — этот вопрос даже не обсуждался. Так, по крайней мере, он мне рассказывал. Депардьё невозможно представить вне лицедейства. Согласен, ему повезло, что он смог уехать из Шатору и перебраться в Париж. А если бы он этого не сделал, его жизнь была бы несчастной; он бы не жил, а отбывал наказание. Но, к счастью для себя и всех нас, он перебрался в Париж! И, кстати, я думаю, что если бы он сам не набрел на лицедейство, ему бы кто-нибудь рано или поздно сказал: "Кончай валять дурака в жизни, валяй дурака перед зрителями!" То же самое — Бельмондо, Габен. А Мишель Симон? С 13 лет он знал, что станет великим актером!

— Вы — сын актера. Вам никогда не приходило в голову пойти по стопам отца?

— О нет, ни за что! Это страшное ремесло. Помню, в детстве, думая об отцовской работе, я был одновременно очарован и перепуган. Каждый раз, идя в театр на его спектакль, я страшно за него боялся — что упадет на сцене, забудет текст, будет выглядеть смешно и нелепо. Я дрожал, меня тошнило. Сегодня я понимаю, это было естественно — дети чувствуют опасность, ощущают страх других. Актеры тоже боятся играть. Особенно в театре, конечно. Однажды вечером я оказался среди них в тот момент, когда должен был подняться занавес. Они прислушивались к шуму в зале. Через несколько секунд им нужно было выходить к зрителям. Я чувствовал, в этот момент они были готовы быть кем угодно, только не актерами. В кино, конечно, не так страшно. Но все равно — страшно. Актер — акробат воображаемого. Канатоходец, который в любой момент может сорваться. Именно это и завораживает.

— Повлияла ли профессия вашего отца на ваше отношение к кино?

— Отец был замечательным акте-

Вышедший весной на парижские экраны фильм Бертрана Блие "Актеры" стал по сути признанием в любви к лицедеям. Режиссер, открывший Жерара Депардьё, Патрика Деваера, Миу-Миу и других кинозвезд, рассказывает о своем отношении к актерам.

ром. Он обожал театр, веселье, развлечение. Он мог сыграть кого угодно — драматического героя или комического, злодея или добряка. Но главным его качеством было умение быть невероятно забавным. Он обладал колоссальным чувством юмора. Я считал, что все актеры — такие же, как он. Актер был для меня человеком, который занимался совершенно естественной, интуитивной работой. Этот подход дал мне очень выгодную точку отсчета. Даже сегодня, видя перед собой актера, я словно слышу отцовское напутствие: "Ты думаешь, что он плохо играет? Так скажи ему, чтобы он был естествен, верил в себя и просто говорил текст. Это все, что можно требовать от актера!" Есть эталон-метр, есть эталон-актер. Когда я пишу диалоги, я обязательно сам для себя их разыгрываю и говорю с интонациями отца. Даже когда я пытаюсь разыграть их перед актерами, говорю, как отец. Это нормально: это как музыка. В Жераре Депардьё я обнаружил силу, простоту и манеру выражаться.

— Вы решили взять его в "Вальсирующих" сразу же, как только увидели?

— Нет, это было немного сложнее. В то время Жерар еще не привык к себе. Он был, как неопознанный летающий объект, огромная бесформенная масса. Он мог быть почти отталкивающим. В какие-то дни я его опасался, в какие-то — восхищался им.

— Вы сразу же увидели, что Депардьё и Патрик Деваер идеально дополняют друг друга?

— Нет, я этого не увидел. Это стало ясно только по ходу съемок. Нам всем невероятно, неслыханно повезло в том, что мы сделали этот фильм ВМЕСТЕ — Жерар, Патрик, Миу-Миу, я. Это было замечательно — то, что мы нашли друг друга. И, конечно же, главным открытием фильма стал тандем Депардьё-Деваер. Эта парочка меня потрясла. Они действительно прекрасно дополнили друг друга.

— В чем они были разными?

— В скорости. Жерар всегда опережал Патрика на три шага. Жерар

всегда играет в несколько раз быстрее остальных. Мы снимали "Вальсирующих" быстро, и в основном благодаря ему. Он пер как танк. Работать с ним и Патриком было таким невероятным удовольствием, что в какой-то момент я сказал себе, что всю жизнь буду снимать только этих двух актеров. Зачем мне другие? Я действительно очень хорошо представлял себе, как буду снимать сначала фильм с одним, потом — с другим, потом — с обоими вместе. Кстати говоря, я прилагал массу усилий, чтобы они не снимались вместе у других режиссеров. Мне не хотелось, чтобы кто-то еще получил такой тандем. Я хотел остаться единственным. К сожалению, Патрик всегда любил играть с огнем. Сегодня мне его ужасно не хватает. И с личной, и с профессиональной точки зрения.

— Судьбы актеров часто складываются трагически.

— Актеры работают на особом горючем: на своей уязвимости, хрупкости. В отличие от режиссеров, которые должны уметь убеждать. Актер постоянно переживает нервотрепку, это легко может привести к срывам. Несчастья, происходящие с актерами, — это профессиональные травмы. Случай Патрика — особый. Его история удивительна. Он начал играть в 5 или 6 лет в семье, где играли все дети. Он был очень хрупким, с трудом справлялся со своей славой. Он был красив, талантлив, удачлив, забавен — его карьера складывалась великолепно. Он собирался сниматься в четырех фильмах. Два из них были моими — "Жена моего друга" и "Вечернее платье". Но он был слишком ранним, слишком чувствителен. Проблемы, которые остальные люди решали в два счета, для него были непреодолимыми глыбами. Эти проблемы отвлекали его жизнь, и вместе с тем именно эта непрактичность, незащищенность и придавала его таланту такой неповторимый звездный блеск.

— Часто говорят, что Габен и Депардьё — это своеобразная актерская эстафета.

— И да, и нет. В любом случае они

представляют совершенно разные эпохи, а все великие актеры так или иначе являются отражением своих эпох. Габен был актером, который довел до совершенства свое искусство, свое умение преподнести себя перед камерой. В Жераре это тоже есть, но он более хрупок. В Жераре есть женская сторона, какой никогда не было в Габене. Габен был скалой. Чтобы сделать фильм с его участием, нужно было снимать вокруг него. Жерар — это дерево. Огромное дерево, но на него можно влезть, в том числе и с топором. Он гораздо более уязвим. Он из другой эпохи — эпохи, когда люди стали более ранимыми, когда кино стало более ранимым, когда общество стало более ранимым. Но, возможно, как актер он богаче Габена — хотя Габен в начале карьеры был непопулярным. Но я думаю, что мы живем в эпоху, когда людские характеры стали богаче, потому что люди стали сложнее и закомплексованнее. Жерар — идеальное воплощение нашей эпохи со всеми ее комплексами. Жерар существует в конфликте с самим собой, как и все сегодняшние люди. Раньше человек был уверен в себе. Сегодня — нет, и это бросается в глаза.

— Что вы ждете от актеров?

— Очевидно, чтобы они максимально раскрылись передо мной, чтобы они шли мне навстречу, к тому состоянию духа, в котором я пребывал, когда писал сценарий. А потом шли дальше. Чтобы они увели мою историю в такие дебри, о каких я и помыслить не мог. Великие актеры могут делать удивительные подарки режиссеру. В проходную сцену они добавляют что-то такое, что сразу же лишает ее дидактичности или необязательности. То, что они делают, я не могу назвать иначе как дьявольщиной. Они могут взорвать сцену изнутри. Например, Жерар — я все время к нему возвращаюсь. Я помню день, когда мы снимали фильм "Слишком красива для тебя", сцену его конфронтации с Кароль и Жозиан. Он говорит Кароль: "Я не могу лгать женщине, родившей моего ребенка". На первой репетиции он сказал это так, что Кароль расплакалась. На второй репетиции — тоже. И на съемках она тоже ревела в каждом дубле. Я совершенно не планировал такой реакции при сочинении сценария.

— Когда смотришь ваши фильмы, невозможно отделаться от впечатления, что они актерские, а не авторские.

— Все кино — по крайней мере, большое кино — держится на актерских плечах. Скорсезе, Коппола — они разве снимают плохих актеров? Конечно, есть постановщики, предпочитающие экспериментировать, искать обходные пути. Здесь совсем иная картина: Риветту вовсе не нужен Бельмондо. Но когда речь заходит о зрительском кино, без популярных актеров не обойтись. И режиссер должен не ухаживать за актерами. Это ухаживание проявляется в том, как он их снимает, как он их показывает. Заглядывает ли камера в их глаза — ведь только там можно рассмотреть душу их героев. Я люблю смотреть в глаза моих актеров. Наверное, все, что я пишу, нуждается в актерском взгляде, и чаще всего я снимаю их лица. В моих фильмах нет ни трюков, ни масок наполеоновского масштаба, ни спецэффектов. Так что же я снимаю? Актеров и актрис. По большому счету, только это меня и интересует.

Мишель БАЙЕН

жизни и сцена —